

Жизнь замечательных деревьев

ТО СОСНА, ТО КЕДР, ТО ДУБ... КТО ПОЭТУ БОЛЬШЕ ЛЮБ?

Вы думаете, одним селекционерам позволено скрещивать ежа и ужа или сосну с дубом? Ошибаетесь, эту работу с успехом выполняют также... поэты. Вот что рассказывает критик и литературовед Дмитрий Шеваров, исследовавший вопрос о том, как немецкая сосна прижилась в русской поэзии. Любопытные у него получились наблюдения, способные заинтересовать, я уверен, не только профессиональных «инженеров человеческих душ» (так именуют писателей), но и лесных инженеров – людей эрудированных, любопытных, разносторонне развитых.

Предоставим слово моему коллеге:

- Все, кто читал в детстве замечательную повесть Юрия Коваля «Недопесок», непременно вспомнят главу «На севере диком...». Там учитель рисования Павел Сергеевич, глянув в окно, спрашивает деревенских ребятишек: «Видите за фермой сосну?» Они кричат: «Видим! Видим!» И тут Павел Сергеевич читает им стихотворение Лермонтова:

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим,
Как ризой, одета она.
И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.*

Потом ребята спорят, про какую сосну написал Лермонтов – про ту, что видна им из окна, или какую-то другую. И вдруг одна девочка говорит, что это стихотворение вовсе не про сосну, а про одинокого человека: «Он стоит, и ему печально...»

А потом учитель просит ребят нарисовать «сосну, пальму, все, о чем написал Лермонтов...». И пока все вспоминают, как выглядит пальма, Коля Калинин уже рисует: «Во – сосна! А во – пальма! Во – песок! Во – скала!..»

Юрий Коваль в молодости был учителем в сельской школе и, наверное, когда писал повесть, вспомнил один из своих уроков. А я вспомнил о Ковале и «Недопеске» в музее Пушкина – в том, что на Пречистенке. Там прошла выставка «Москва и Дюссельдорф. Города искусств в первой половине XIX века». И вот на самом центральном месте экспозиции, под портретом Генриха Гейне – автограф стихотворения «Ein Fichtenbaum steht einsam» - того самого, которое мы помним со школьных лет в переводе Лермонтова.

И тут же, под стеклом, можно увидеть еще два перевода этого стихотворения на русский язык. Оказывается, первым стихотворение про сосну и пальму перевел в 1827 году Федор Иванович Тютчев – всего через четыре года после того, как Гейне написал свой шедевр. Так как сосна в немецком языке – слово мужского рода, Тютчев сделал главным героем кедр.

*На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.*

*Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет одинока...*

В 1841 году, независимо друг от друга, за перевод берутся Михаил Лермонтов и Афанасий Фет. В том же году перевод Фета выходит в журнале «Москвитянин». Здесь перед читателем вырастает дуб.

*На севере дуб одинокий
Стоит на пригорке крутом;
Он дремлет, сурово покрытый
И снежным, и ледяным ковром.*

*Во сне ему видится пальма,
В далекой, восточной стране,
В безмолвной, глубокой печали,
Одна, на горячей скале...*

По самым скромным подсчетам, стихотворение Гейне было переведено на русский язык не менее сорока раз. Один из последних переводов принадлежит Наталье Морозовой-Форстер. Предваряя публикацию своего перевода в журнале «Звезда», автор пишет: «Несколько лет я пыталась передать более или менее адекватно стихотворение Гейне, упирая не на красоту слога, но на его смысл...»

*Сосны дерево стоит одиноко
На севере на голой вышине.
Его клонит в сон; белым покровом
Окутывает его лед и снег.*

*Ему все грезится о пальме,
Что далеко в утренней земле,
Одиноко и безмолвно печалится
На горячей отвесной скале.*

Интересно, что в «Недопеске» Юрия Коваля все дальнейшие события закручиваются вокруг все той же сосны. И вот в самый интересный момент «вздрыгнула одинокая ковылкинская сосна и увидела наконец-таки пальму на юге далеком». А что происходило в этот момент – не скажу. Сами прочитайте.

Подготовил Олег БОРИСОВ